

Утром 12 ноября 2002 года позвонила мне Тамара Анатольевна Пузанова из «Тульских известий»: сегодня ночью умер Сергей Белозеров. Сообщила об этом бабка Зайцева, у которой он жил на улице Белкина, 27-а, в квартире 29.

— Что случилось? — спросил я.

— Не знаю. Надо проводить Серёжу достойно. Сейчас буду звонить Боре Играеву.

Днем я зашёл в редакцию «Молодого коммунара». В ответ на мой вопрос Александр Гелиодорович Ермаков ответил:

— Да вот только что Борис и Тамара Александровна Головина приехали из того домика на улице Белкина, это рядом с памятником советско-чехословацкой дружбы. В пять часов утра сидели, пили, Сергей играл на гитаре; вдруг упал — и всё!

Вечером — звонок Нади Тюленевой:

— Какая прекрасная смерть! Как у Володи Чубарова. Мы с ним тогда дежурили по выпуску очередного номера, он подписал все полосы, сел в кресло и стал рассказывать анекдоты, хохотал, закидывая голову. И вдруг осел, затих и всё! Скорая зафиксировала смерть. А помните, как умер Елькин? Гулял в парке, вышел, сел в трамвай — и всё!

Вынос тела был назначен на 15 ноября в 13 часов. К часу дня на узкой площадке перед двухэтажным кирпичным зданием Траурного зала, как официально именовали морг возле больницы на Набережной Дрейера, собралось несколько десятков людей. Я пришел в то время, когда из задней железной двери выходил Борис Играев и с ним широкоплечий крепкий мужчина в кожаной куртке.

Кто-то шепнул мне на ухо:

— Это один из двух братьев Сергея, он живёт в Москве, предприниматель. Другой брат, кажется, в Тюмени.

Надя Тюленева кивнула на женщину в светло-бордовом пальто и прошептала:

— Первая жена Сергея, Надежда, а рядом с ней дочь, ей двадцать с чем-то. А за ними сын — Максим.

День был серый, хмурый, слякотный, под ногами — скользкий грязный лед и снежная каша, кое-где лужицы. Пока стояли в ожидании выноса, Тамара Пузанова рассказала мне:

— Я тогда в горкоме партии работала. И вот приходит ко мне Оля Подъёмщикова и просит: помоги, посодействуй. Сергею суд завтра, наверное, срок дадут.

Так, может, хотя бы не в лагерь, а, скажем, в ссылку? Позвонила я Мариевскому в Зареченский райком — прямо при Ольге: «Вот тут у меня красивая молодая женщина, журналистка. Её возлюбленного у вас в суде завтра будут за неуплату алиментов судить. Позвони, походатайствуй. Ну, хотя бы не в лагерь, а в ссылку». Вот так Сергей оказался на станции Зима, а не в колонии.

— И Ольга поехала за ним, — добавила стоявшая рядом Тамара Головина. — Её называли декабристкой.

Слышу, в соседней группе обсуждают некролог в «Тульских известиях»: «Ну разве так можно: «горький пьяница...» — «Безобразие!» — «Да не было там таких слов» — «Ну, что-то в этом духе».

Андрей Лучников в длинном чёрном пальто и чёрной кепочке подошёл ко мне, сказал:

— Надо издать стихи Серёжи. Деньги мы найдем... Архив Сергея богатый. Много замечательных стихов. Среди них — о Борисе Слуцком. Там есть такие строчки:

*А он всё думал: если драка,
то надо ввязываться в бой.
топтать Бориса Пастернака
и чётко резать: «свой — не свой».*

Железные двери морга раскрылись, и четверо мужчин без шапок вынесли красный гроб, установили его на две красных треугольных подставки. Сергей как живой, только с закрытыми глазами. Так чаще всего выглядят покойники, ушедшие из жизни внезапно, без болезни и страданий (вспомнилось тюленевское: «прекрасная смерть!»)

Тут же на грудь ему упала женщина в потрёпанном пальтишке, из-под шали седые волосы выбились. Упала и начала причитать: «Серёжа, дорогой мой, милый мой, что ты наделал, на кого ты меня покинул? Что я буду без тебя делать? Ведь обещал: вместе будем на базар ходить, вместе всё. Как мне с тобой хорошо было! Ты ведь добрый, ласковый. Зачем же ты это сделал?»

Я понял, что это и есть та самая Зайцева. Это было так по-старинному, так по-русски!

Все стояли возле гроба и припавшей к нему женщины, не двигаясь. Но кто-то подошел, тронул её за плечо, она поднялась, продолжая плакать и причитать, отстранилась от гроба. Мужчины подняли его и понесли к автобусу с черной каймой. Кто-то взял крышку, на которой были прибиты желтые полосы креста.

За катафалком с гробом двинулись легковушки «Молодого коммунара» и «Тульских известий», за ними — небольшой автобус с пожелавшими отправиться на кладбище. В автобусе рядом со мной оказались Андрей Лучников, Александр Парфененков и полупьяный седой грузный человек, непрерывно что-то

бубнивший. Поблизости расположились Татьяна Мариничева, Надя Тюленева, Виктор Васильевич Филимонов и ещё несколько женщин.

Могила оказалась на краю первого от Тулы кладбища на Мыльной горе, теперь уже закрытого, разрешают только подхоранивать к родственникам. Кто-то сказал, что Боря Играев добился разрешения зарыть здесь Серёжу. Гроб вынесли из катафалка и поставили на кучу глины у вырытой ямы. Опять к нему припала Зайцева, причитала и рыдала. Когда умолкла, к гробу подошла жена Сергея с дочерью и малослышно прочитала какие-то стихи. Я было приготовился прочесть стих о бабе Фросе, Варе и Насте. И ещё: «Не объясняйтесь Родине в любви». Но стоявшие ближе к гробу Играев и Гелиодорыч молчали, а уж им-то сам бог велел сказать что-то. Один из двух могильщиков поторопил:

— Ну, подходите прощаться, кто...

Бабка-плакальщица поцеловала Сергея в лоб с бумажным церковным венчиком, надетым кем-то здесь, на кладбище. Потом Надежда с дочерью, брат и сын, потом Играев, Ермаков, Пузанова, Тюленева. Подошёл и я. Могильщики надвинули крышку, забили гвозди, ловко спустили гроб в яму и принялись засыпать. Люди подходили, бросали горсти глины.

Когда вместо ямы образовался холмик, рабочие согнули имеющиеся четыре венка, уложили на возвышение. Борис Играев на капоте машины раскрыл мисочку с кутьёй, все поддевали по ложечке, брали в ладони и проглатывали вареный рис. На капотах ещё двух автомашин оказалось несколько бутылок «столичной», бутерброды с сыром и колбасой, нарезанные солёные огурчики и прозрачные пластиковые стаканчики. Каждый сам себе наливал — кто до середины, кто на доньшко, иные и доверху. Молча выпили, сбились в группки. Оживился разговор, кто-то налил по второй. Гелиодорыч подошёл ко мне, сообщил, что похоронил недавно отца.

Подошёл Александр Парфененков и стал мне рассказывать, как был зол на меня одно время за то, что я забраковал какую-то подборку его материалов, присланную в «Коммунар» из Новомосковска, где он тогда работал в одной из многотиражек. «Несколько лет спустя, когда стал редактором «Молодого коммунара», я осознал высокую требовательность».

Такое можно услышать, пожалуй, только на чьих-то поминках. Да и то — вот на таких, как сейчас, неофициальных, без протокола.

Плотный седой мужик, бубнивший давеча в автобусе, хлопнул меня дружески по плечу и сказал Парфененкову:

— А вот меня он заметил и похвалил. Помните, Сергей Норильский, «Радугу», — приложение к «Молодому»? Вы там опубликовали отзыв о стихах, напечатанных в газете, и отметили мои строчки наряду со стихами Владимира Лазарева и Сергея Белозёрова.

Бог ты мой! Так это же тот юноша Лазаревич, стихи которого звучали в середине оттепельных шестидесятых на многих писательских встречах!

В сером унылом небе проносились стаи ворон, их карканье покрывало негромкий говор подвыпивших мужчин. Вскоре все расселись по машинам, холмик с венками и гвоздиками грустно смотрел на покидавших его людей. Сумеречный день клонился к исходу. Вглядываясь через окно автобуса в удаляющийся ряд могил, в котором Серёжина была последней, Надя Тюленева сказала:

— Ну вот, к весне холмик сравняется с землёй, могильщики отволокут поблекшие венки в ближайшую кучу мусора, потом на этом месте образуется провал, зарастёт травой...

— Ну, зачем вы так... — возразил Лучников. — Есть кому не забывать это место.

А мне вспоминались встречи с Сергеем, когда он, уже работая в «Комсомолке», приносил иногда в «Коммунар» свои корреспонденции на промышленные темы. Какое это было удовольствие — сдавать их в секретариат, не изменив ни слова, — так плотно были написаны, так выделялись в общем потоке, когда поневоле приходилось править торопливые неряшливые строчки, перепечатывать на машинке.

Вспоминалось и другое, грустное. Уже в «Тульских известиях». Заглянет, бывало, Сергей в комнату, где трудились мы с Юрием Забродиним, улыбнется ласково и прошепчет: «Ребята, тройка не хватает...» Вот так же было много лет назад, в том же «Коммунаре». Зайдет в промотдел Костя Павлов, в прошлом сотрудник «Правды», яркий фельетонист, и с хитрой самоиронией: «Хлопцы, выручайте, тройка не хватает».

А оглядываясь ещё дальше назад, в век девятнадцатый, вспоминаешь: не так ли было в своё время с писателем Николаем Успенским? Да... «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

С горечью думал я о старой, как мир, планиде богемы, о том, как пропадают в ней таланты и как не желают иной участи. А может быть, планида та и есть питательная среда, в какой таланты дают отдачу? Куда деться, — у каждого своя судьба, своя дорога в жизни.